

01.01.2023

Постамериканский мир и ядерное нераспространение. Двадцать лет без права на ошибку

Сценарии, которые могут привести к появлению на политической карте мира новых ядерных государств

№1 2023 Январь/Февраль

DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-72-87

ВЛАДИМИР ОРЛОВ

Профессор МГИМО МИД России; основатель (в 1993 г.) и президент Международного клуба «Триалог»; основатель (в 1994 г.) и директор ПИР-Центра.

СЕРГЕЙ СЕМЁНОВ

Научный сотрудник ПИР-Центра, выпускник (в 2021 г.) магистратуры МГИМО МИД России по специальности «Глобальная безопасность, ядерная политика и нераспространение ОМУ».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Орлов В.А., Семёнов С.Д. Постамериканский мир и ядерное нераспространение // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 72-87.

Помните гибель Портоса в финале эпопеи Дюма про мушкетёров? Когда он держал на себе рушащуюся скалу. Держал мощно и надёжно, не подводя боевых товарищей. Но вот его самого – такого мощного и надёжного – вдруг стали подводить ноги. Он давно подозревал, что ноги – его слабое место, но всё не хотел признавать очевидное. Обрушилась скала. И не стало Портоса. Даже скалы не вечны. Ну а Портосы – тем более^[1].

Гонки через «ядерную сплошную»

На протяжении всего существования Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) – а это ни много ни мало уже 52 года – ему прочили неминуемый крах. И тем убедительнее на этом фоне выглядит цифра «четыре»: только четыре государства – Израиль, Индия, Пакистан и КНДР, – обзавелись ядерным арсеналом вне или в обход ДНЯО[2]. Несмотря на резкую критику в адрес Договора со стороны ряда неядерных стран (в первую очередь в связи с неудовлетворительными, на их взгляд, темпами ядерного разоружения), он сохраняет устойчивость. Заложенный в нём баланс выгод и обязательств по-прежнему отвечает интересам абсолютного большинства государств мира.

Опыт последних пяти десятилетий показывает: даже страны с серьёзным научно-технологическим потенциалом не готовы пересечь ядерную «двойную сплошную», если только это не обусловлено реальной и неотвратимой угрозой национальной безопасности. Примером является КНДР, которая пошла на создание ядерного оружия (ЯО) из необходимости сдерживать США.

Но было бы ошибкой принимать ДНЯО и обусловленный им режим нераспространения за константу, которая, вопреки громким заявлениям отдельных государств, навеки останется данностью. Режим ядерного нераспространения – лишь одна из несущих конструкций архитектуры глобальной безопасности, и по мере ослабления других её элементов, на ДНЯО неизбежно ложится всё большая нагрузка. Нельзя исключать, что на фоне деградации военно-политической обстановки отдельные государства приступят к реализации военных ядерных программ. При самом неблагоприятном раскладе это чревато эффектом домино и концом режима нераспространения ядерного оружия в его нынешнем виде.

Сегодня такие сценарии выглядят алармистскими, почти невыносимыми. Но в контексте масштабной и болезненной реконфигурации международных отношений пацифизм и вера в незыблемость сложившихся норм были бы непозволительной роскошью.

Вместе с десятью нашими коллегами[3] мы посвятили уходящий год комплексному исследованию рисков ядерного распространения в мире на ближайшие пять-двадцать лет, преодолевая академическую зашоренность в этой области. В результате стал проступать контур – «девятка». О традиционной, ныне существующей «девятке» государств, обладающих ядерным оружием, мы осведомлены. Нас интересовала другая «ядерная девятка»: государства, которые потенциально могли бы приступить к реализации военных ядерных программ с 2027 по 2042 годы.

Главным стимулом к исследованию стало то, что большая часть существующих работ по перспективам ядерного распространения сосредоточены на угрозах со стороны развивающихся государств. Не столь подробно освещаются дестабилизирующая роль неформальных обязательств Соединённых Штатов по обеспечению безопасности своих союзников, размещение ядерного оружия за пределами национальной территории и поставки наиболее чувствительных ядерных технологий ближайшим союзникам (случай *AUKUS*).

По мнению большей части западных экспертов, так называемое «расширенное сдерживание» играет роль дополнительной несущей конструкции режима ядерного нераспространения. По мере снижения роли США в международных делах действенность таких подпорок подвергнется эрозии. Более того, на примере *AUKUS* проступают черты политики «условного распространения», в рамках которой Вашингтон будет закрывать глаза на поползновения своих сателлитов к более продвинутому ракетно-ядерному статусу. А раз так, нельзя исключать, что в качестве основной угрозы ДНЯО выступают не государства «оси зла» и не антиядерные радикалы, а ближайшие союзники Соединённых Штатов, считающиеся уважаемыми членами ДНЯО.

О том, что такой сценарий не иллюзорен, говорит, в числе прочего, статья четырёх представителей западного военно-политического истеблишмента, вышедшая в феврале 2021 года [4]. Бывшие министры обороны США и Великобритании, экс-премьер-министр Австралии и экс-постпред США при НАТО задаются вопросами: когда союзники Соединённых Штатов обзаведутся ядерным оружием и как этого не допустить?

Рецепты с Запада, как правило, созвучны один другому: нужно всячески укреплять американское лидерство.

А для этого стоит подлатать «ядерный зонтик», вовлечь союзников в ещё более тесное оборонное сотрудничество и укреплять сдерживание вероятного противника. Как один из вариантов – распространить модель совместных ядерных миссий НАТО и на союзников в АТР [5].

Оставим в стороне вопрос, насколько подобные предложения соответствуют Договору о нераспространении ядерного оружия. Восстановление и сохранение мнимого лидерства Вашингтона в вопросах нераспространения лишь обостряют и пролонгируют риски, связанные с шаткостью гарантий безопасности союзникам США.

«Родовая травма» американоцентричной модели нераспространения в том, что она зиждется на неинклюзивной архитектуре безопасности и не учитывает интересы тех, кто оказался по ту сторону «ядерных зонтиков». России при таком раскладе отводится в лучшем случае вспомогательная роль. В годы российско-американского нераспространенческого диалога Соединённые Штаты стремились заручиться авторитетом Москвы в ядерных делах, чтобы ДНЯО не использовался против целей американской внешней политики. Теперь же, после начала специальной военной операции, разоблачающая суть нераспространения по-американски проявилась особенно отчётливо. Очевидны попытки выставить Россию в роли пугала ядерного нераспространения, свести весь комплекс проблем в ядерной области к грехам

Кремля. Именно это привело к провалу X Обзорной конференции ДНЯО, бесславно прошедшей в августе 2022 года.

Продолжение такой политики в лучшем случае усугубляет ситуацию в рамках ДНЯО. В худшем – ведёт к демонтажу нераспространения как такового.

В упомянутом исследовании мы стремились проанализировать наиболее радикальные сценарии, которые могут привести к появлению на политической карте мира новых ядерных государств. В качестве стран и территорий, готовых играть на повышение, помимо очевидного Ирана, рассматривали также менее очевидные Японию, Южную Корею, Тайвань, Турцию, Украину, Саудовскую Аравию, Египет и Бразилию. Именно эти государства, на наш взгляд, могут быть заинтересованы в поддержании неопределённости относительно своих ядерных амбиций – либо в качестве «последнего довода королей», либо в качестве разменной фишки^[6].

Составляя список «новой ядерной девятки», мы исходили из нескольких критериев: наличие военно-технической основы и военно-политических предпосылок к созданию собственного потенциала сдерживания, публичные заявления о возможности создания ядерного оружия. То есть проанализировали и «декларации», и «объективки». Ниже суммируем более чем двести страниц завершённого в ноябре 2022 г. исследования.

Без гнева. И без пристрастия

Япония

В краткосрочной перспективе нет реалистичных сценариев, при которых Япония пошла бы на создание ядерного оружия. Общественное мнение решительно против. По данным исследователей Гарвардского университета, более 75 процентов японцев выступают за глобальное запрещение ядерного оружия и присоединение Японии к Договору о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО).

Для обеспечения национальной безопасности политическая верхушка настроена поддерживать достаточную техническую базу для создания ЯО, если это потребуется. Но в элитах сложился консенсус относительно нежелательности такого сценария, приоритет отдаётся поддержанию и укреплению военного союза с США. Именно поэтому Япония одобрила политику Дональда Трампа по повышению роли ЯО для поддержки союзников.

В случае серьёзного охлаждения американско-японских отношений стоит ожидать переформатирования политики активного пацифизма, появления у Сил самообороны Японии не только оборонительных, но и наступательных средств. Сообщения о готовности Токио приобрести крылатые ракеты «Томагавк», а также разработки в области гиперзвукового оружия дают основания полагать, что шаги в этом направлении уже делаются.

Южная Корея

В южнокорейском обществе есть очевидный запрос на политику с позиции силы. Однако попытка начать военную ядерную программу столкнётся с явным противодействием всех ядерных держав и особенно КНР, которая не заинтересована в появлении нового полюса влияния в непосредственной близости от своих границ.

Работы по созданию ЯО поставят под угрозу международный престиж страны и, вероятно, приведут к краху военного союза с Соединёнными Штатами, в чём южнокорейские элиты сейчас не заинтересованы. Эта политика может быть пересмотрена, если курс очередной американской администрации вновь склонится к стремлению самоустраниться от международных дел.

Руководство Республики Корея сознаёт такой риск и стремится обзавестись потенциалом неядерного сдерживания. В частности, благодаря умелой дипломатии Сеулу удалось выпутаться из навязанных американцами ограничений по дальности и забрасываемому весу южнокорейских ракет, обеспечив себе свободу рук в развитии ракетной программы.

Следующим шагом мог бы стать пересмотр «неравноправных» положений Соглашения 123 и строительство мощностей по обогащению урана и переработке отработавшего ядерного топлива (ОЯТ). В Южной Корее уже имеются соответствующие технологические наработки. Но не совсем ясно, как создание таких мощностей согласуется с заявленным курсом на постепенный отказ от атомной энергетики.

Доступ к наиболее чувствительным элементам ядерного топливного цикла (ЯТЦ) также может быть получен посредством создания атомных подводных лодок (АПЛ). О желательности получения атомной субмарины южнокорейские политики говорили и ранее, однако создание трёхстороннего альянса *AUKUS*, в рамках которого предполагается передать Австралии до восьми АПЛ, придало этой дискуссии импульс.

Тайвань

Несмотря на наличие некоторого научно-технического потенциала Тайбэй сознаёт, что военная ядерная программа спровоцирует резкую реакцию Пекина и, вероятно, станет концом Республики Китай как самостоятельного территориального образования.

Украина

Фантомные боли из-за отказа от ядерного оружия сохраняются у националистически настроенной части украинской элиты и сегодня. Украина обладает некоторыми возможностями для создания ЯО. Со времён СССР на Украине существует развитая промышленная база, технологии производства ракет-носителей, кадры, а также ресурсная база. Тем не менее в этом ресурсном изобилии есть значительные лакуны: отсутствие предприятий по обогащению урана, переработке плутония, производству трития и опыта производства специальных боезарядов.

Выступая с манипулятивными заявлениями, Украина пытается «вытянуть» финансовую и военную помощь западных партнёров. По итогам специальной военной операции ВС РФ любые угрозы создания Украиной ядерного оружия, как представляется, должны быть нивелированы. Но остаётся риск ядерного шантажа со стороны Украины в двух форматах: **во-первых**, через акты ядерного терроризма в отношении объектов критической (ядерной) инфраструктуры, находящихся на территориях под суверенитетом России (прежде всего Запорожская АЭС), включая как обстрелы, так и воздействие на персонал; **во-вторых**, через провокации по созданию «грязной бомбы», применение которой в зоне боевых действий или зонах проживания гражданского населения вряд ли приведёт к массовым человеческим жертвам, однако неизбежно обернётся паникой, катастрофическим психологическим воздействием. Киев наверняка попытается приписать эти действия России, так как атрибуция актов ядерного и радиологического терроризма в условиях острого конфликта может быть трудноразрешимой задачей.

Турция

Перспектив начала в Турции ядерной программы военно-прикладного характера не просматривается. В первую очередь в силу того, что Анкара не сталкивается с угрозами «ядерного калибра». Военно-политические приоритеты нынешнего руководства скорее диктуют необходимость дальнейшего развития сил общего назначения, оснащения их наиболее современными конвенционными средствами вооружённого противоборства.

Перевод ядерных амбиций на военные рельсы усугубит противоречия с соседями, напряжённость с США и другими союзниками по НАТО, приведёт к дипломатической изоляции, а то и экономическим санкциям. В условиях зависимости от внешней торговли и ухудшающегося социально-экономического положения турецкое руководство едва ли готово брать на себя такие риски.

Для развития ядерной программы Турции недостаточно имеющегося технологического потенциала. В стране отсутствуют наиболее чувствительные элементы ЯТЦ – обогащение урана и переработка ОЯТ. С учётом действующего Дополнительного протокола крайне маловероятно, что у Анкары есть возможности создать такую

инфраструктуру незаметно. Кроме того, отсутствие эффективных средств доставки не позволит быстро закрепить достигнутые успехи и фактически приведёт к многократному увеличению давления на страну.

Египет

В среднесрочной перспективе запуска Египтом военной ядерной программы не просматривается. Существующей ядерной инфраструктуры для этих целей недостаточно.

Пока Египет не сталкивается с экзистенциальными угрозами, которые диктовали бы необходимость создания ЯО. Отношения с Израилем, единственным государством региона, которое, как предполагается, обладает ЯО, относительно ровные и не представляют угрозы. Военный атом несколько не способствовал бы закреплению Каира в роли лидера арабского мира – напротив, вероятно, привёл бы к дальнейшей фрагментации стран Ближнего Востока, подтолкнул новый виток гонки вооружений.

Соотношение выгод и издержек от создания собственного потенциала сдерживания может измениться только в результате появления ядерного потенциала у другой державы на Ближнем и Среднем Востоке: Турции, Ирана, Саудовской Аравии. В этом случае египетское руководство будет вынуждено пересмотреть ядерную политику под давлением «снизу».

Саудовская Аравия

В ближайшие годы появление у Саудовской Аравии ядерного оружия маловероятно. В стране отсутствуют или находятся на низкой стадии развития инфраструктура, технологии и кадры, необходимые для начала ядерной программы военно-прикладного характера. Сведения, что подобная программа присутствовала в прошлом, имеют спекулятивный характер и не соответствуют имеющимся данным о стадии развития ядерной инфраструктуры в КСА.

Нет и достоверных свидетельств того, что принято политическое решение о насущности такой программы. Заявления о необходимости создания ядерного арсенала в случае появления ЯО у Ирана, периодически звучащие из уст высшего политического руководства, следует рассматривать как попытку привлечь внимание США к озабоченностям Королевства относительно иранской ядерной программы и её возможного военного измерения. Как представляется, саудовская политика в отношении ЯО рациональна, в её основе лежит трезвый анализ выгод и издержек относительно приобретения ядерного арсенала. Стимулов к его приобретению любой ценой в настоящее время нет: безопасность Королевства обеспечивается военно-техническим сотрудничеством с Вашингтоном. В случае же дальнейшего сокращения

присутствия американцев на Ближнем Востоке вероятно диверсификация военно-технических связей с другими «провайдерами» безопасности.

Издержки сейчас перевешивают возможные стимулы. Королевство зависит от экспорта энергоносителей и импорта технологий: попытка начать военную ядерную программу вызовет широкий международный резонанс и приведёт к усилению давления со стороны международного сообщества. Возможность введения экономических санкций нанесёт удар по планам наследного принца Мухаммеда бен Салмана провести экономические реформы и обеспечить развитие на новой технологической платформе. Это ослабит его позиции во внутривосточной борьбе.

По мере развития атомно-энергетической программы Королевство будет вынуждено перейти к более обязывающим формам взаимодействия с МАГАТЭ и отказаться от Протокола о малых количествах. Однако нельзя исключать, что КСА будет заинтересовано в сохранении неопределённости относительно своих реальных возможностей и намерений. Поэтому ратификация Дополнительного протокола маловероятна в среднесрочной перспективе.

Иран

Исламская Республика Иран обладает техническими возможностями для создания ядерного оружия. Существующие в экспертной среде оценки иранского «порогового времени», как правило, грешат упрощением и варьируются от трёх месяцев до полутора лет. Подобные подсчёты обычно основаны на математическом моделировании эффективности работы центрифуг и не учитывают последующий комплекс работ по так называемой «вепонизации».

Даже если принимать за правду данные «ядерного архива», представленного премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху, Иран, хотя и обладает некоторыми наработками по созданию ядерного взрывного устройства, не сможет быстро подготовить пригодную к боевому применению конструкцию. Алармисты не принимают во внимание и возможные контрмеры противников ИРИ, включая диверсии и точечную ликвидацию ключевых учёных. Вероятность же использования некоей особо засекреченной инфраструктуры вызывает сомнения с учётом активного внимания иностранных спецслужб к происходящему вокруг иранского атома.

Имеющихся данных недостаточно, чтобы с высокой степенью уверенности сделать вывод, что иранское руководство приняло политическое решение отказаться от исключительно мирного характера атомной программы. Впрочем, перипетии вокруг Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), сокращение Ираном обязательств в рамках «ядерной сделки» размывают грань между признаками «принуждения к миру» и признаками начала военной ядерной программы. Очевидно, что противодействие инспекционной деятельности МАГАТЭ укладывается в логику ответа на действия США, а ужесточение мер по защите физиков-ядерщиков обусловлено рисками диверсий.

Нет и признаков нагнетания поддержки общественным мнением ядерного сценария, чтобы оправдать нарастающие экономические трудности. Нет достоверных данных и о создании неких суперструктур, наделённых полномочиями для координации реализации военно-прикладной ядерной программы.

Бразилия

У страны есть технологический задел для запуска военной ядерной программы, но нет каких-либо военно-политических предпосылок. Бразилия не стоит перед экзистенциальной угрозой, которая требовала бы создания ядерного оружия. Она и так является ведущей региональной державой, а её вооружённые силы входят в десятку сильнейших армий мира.

Развитие ядерной программы связано со значительными экономическими издержками, которые страна не может позволить себе сейчас и в ближайшем будущем. Ядерная программа также способна нанести ущерб статусным позициям в мире.

Наконец, идея создания ядерного оружия не находит единодушной поддержки бразильских элит, в том числе военных, настроенных на развитие сотрудничества с максимально широким кругом международных акторов.

Не паникёры. И не страусы

Итак, на данный момент появление новых ядерных государств на политической карте мира не немислимо, однако маловероятно. Существующих сдерживающих факторов – устойчивости ДНЯО как международной нормы, чувствительности потенциальных возмутителей спокойствия к экономическим санкциям, дороговизны полноценных ядерных программ и создания соответствующих средств доставки – пока достаточно, чтобы удержать упомянутые государства на краю пропасти.

Как читатель увидел из выжимки наших страновых оценок, к алармистам и паникёрам мы не принадлежим. Потому что весомых оснований для повышения градуса тревожности по ходу исследования не обнаружили. Но мы не становимся и в позу страуса. Притворяться, что с режимом ядерного нераспространения «всё спокойненько», не просто недальновидно, а чревато возрастанием уязвимости для российских национальных интересов: расслабившись, переключив внимание на другие направления, мы рискуем не просто потерять мяч, но забить его в свои ворота.

Нарастающий интерес некоторых государств к военному атому – симптом кризиса существующей архитектуры безопасности.

Основной источник напряжённости – Соединённые Штаты, попытки западного блока государств удержать осыпающуюся западоцентричную модель мироустройства военно-силовыми методами.

Однако было бы ошибкой сводить деградацию обстановки в области безопасности только к действиям Вашингтона. И хотя американская политика – первопричина нарастающей нестабильности, в качестве угрозы воспринимается реакция государств, внесённых США в «проскрипционные списки».

Есть риск, что на фоне деградирующей обстановки вместо поиска инклюзивных решений в сфере безопасности Соединённые Штаты перейдут к стратегии «условного распространения», поставляя союзникам чувствительные ядерные технологии в обмен на безусловную лояльность «генеральной линии». Пример – трёхсторонний военно-технический альянс с Австралией, в рамках которого Канберра, как предполагается, получит атомные подводные лодки. И хотя в Вашингтоне настаивают, что такой уровень сотрудничества стал возможен только потому, что Австралия продемонстрировала высокую приверженность режиму ядерного нераспространения, то же могут сказать про себя и другие союзники Соединённых Штатов. *AUKUS* создаёт опасный прецедент, которым были бы не прочь воспользоваться в Токио, Сеуле, Бразилиа.

Более того, вызывает опасения роль американского санкционного давления как основной силы, сдерживающей распространение ядерного оружия. Если допустить ослабление в Вашингтоне интереса к поддержанию режима нераспространения, не исключён всплеск заинтересованности американской клиентелы в ЯО. В этом контексте чрезвычайно важна инспекционная деятельность МАГАТЭ, нацеленная на выявление незаявленных ядерных программ. Особые риски представляет политизация системы гарантий, двойные стандарты их применения по отношению к западным и незападным государствам.

Потенциал создания ЯО рассматриваемыми странами в среднесрочной перспективе

**Потенциал создания ЯО рассматриваемыми странами
в среднесрочной перспективе**

	Потенциал		Воспри- нимаемая угроза (У)	Мотивация		Итог
	ЯТЦ	Средства доставки (СД)		Сдерживающие факторы		
				Союзники (С)	Экономиче- ские риски (ЭР)	
Южная Корея	3	4	5	4	0,75	3,32
Япония	5	2	5	4	0,5	3,46
Тайвань	3	4	5	5	0,75	3,19
Украина	2	2	5	2	1	2,68
Турция	1	2	4	4	0,75	1,82
Иран	5	4	5	1	0,25	4,48
Египет	1	2	4	2	0,5	2,21
Саудовская Аравия	1	3	4	2	1	2,18
Бразилия	4	1	1	3	0,5	1,09

Источник: составлено авторами на основе собственных расчётов (2022)[7].

Проведённый нами анализ подталкивает к выводу: ближе всего к ядерному порогу – с точки зрения как технических возможностей, так и мотивации, стоят Иран и Южная Корея. В ИРИ уже имеются определённые наработки в области «вепонизации», что создаёт крайне нежелательный прецедент для режима ядерного нераспространения. И хотя Южная Корея обладает менее развитым ЯТЦ, ощущается стремление южнокорейской элиты малыми шагами продвигаться к «техническому сдерживанию» – ситуации, когда возможности южнокорейского ЯТЦ, по меньшей мере, не будут уступать японским. В области же средств доставки Сеул уже впереди Токио.

Вышесказанное не означает, что указанные страны обзаведутся ЯО. Но такая политика серьёзно повышает ставки в борьбе за живучесть режима ядерного нераспространения и ДНЯО как его несущей конструкции. Политика малых ядерных шагов – симптом нарастающей конфликтности в международных делах на фоне завершения пятисот лет господства коллективного Запада. В этих условиях попытки «подремонтировать» осыпавшуюся американоцентричную архитектуру безопасности обречены на провал.

Не превратиться в Портоса

Формирование нового миропорядка займёт время. Переходный период неизбежно будет сопряжён с нарастанием конфликтности и диффузией военно-технических потенциалов. С точки зрения интересов России на ближайшие пять-двадцать лет важно определить следующее.

Во-первых, желаемый образ будущего (как бы ни претило некоторым это клише), способный создать вокруг наших интересов круг единомышленников по формированию военно-политических аспектов будущего миропорядка. Шаблонной критики «миропорядка, основанного на правилах», отсылок к Уставу ООН и некоему более справедливому мироустройству недостаточно. Нужна новая концепция.

Во-вторых, пределы рисков переходного периода. С одной стороны, диффузия военно-технических потенциалов неизбежна. Обратить её в свою пользу можно за счёт укрепления военно-технического сотрудничества с государствами, обострённо воспринимающими угрозы безопасности, в том числе рассмотренные в данном исследовании. Но готовы ли мы, что в мире появятся ещё одно-два ядерных государства? Необходимо ли России блюсти нераспространение любой ценой и при случае ввязываться в очередной раунд российско-американского взаимодействия по иранскому или, скажем, северокорейскому досье? Этот вопрос требует тщательного осмысления.

Роль России сейчас в том, чтобы содействовать выстраиванию новой архитектуры безопасности с минимальным количеством разделительных линий в регионах, где риски распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) особенно велики. В этом контексте востребованной может оказаться Шанхайская организация сотрудничества, которая обладает необходимым потенциалом, чтобы стать ядром более стабильного, бесконфликтного миропорядка в Евразии.

Не менее важно и налаживание диалога с теми, кто расшатывает режим ядерного нераспространения изнутри, так называемыми антиядерными радикалами – сторонниками ДЗЯО. Сам договор (напомним, что он, в отличие от ряда других договорённостей в ядерной сфере, является действующим) остаётся занозой режима нераспространения. Его политический эффект – дополнительный раскол среди государств – участников ДНЯО. Практическая опасность – иллюзия возможности выхода из ДНЯО.

Серьёзной «дырой» запрещения ядерного оружия остаётся вопрос верификации. Если предположить, что государство N является только членом ДЗЯО, не совсем ясно, на каком правовом основании МАГАТЭ сможет передать его досье в СБ ООН в случае нарушения обязательств по соглашению о гарантиях. Для этого требуется соответствующая юридическая калибровка в стане антиядерных радикалов. Но форсировать её в стенах МАГАТЭ нецелесообразно: решение этого вопроса лишь усилит позиции сторонников ДЗЯО.

В то же время следует отдать должное неядерным государствам, исповедующим радикальные разоруженческие подходы. Они правы: бесконечная накачка конфликтных регионов мира оружием, ставка на военно-технические средства

обеспечения национальной безопасности – тупиковый путь. Разоружение должно вернуться в международную повестку дня. Предложенное Россией новое стратегическое уравнение, призванное обеспечить бесконфликтную среду в международных отношениях, – шаг в верном направлении.

На Ближнем Востоке востребована равноправная архитектура региональной безопасности. Ещё в конце 1990-х гг., в совершенно иных геополитических реалиях, Россия начала разработку Концепции обеспечения коллективной безопасности в зоне Персидского залива. Изложенные в документе идеи не раз обновлялись и в нынешних обстоятельствах приобрели иное, актуальное звучание. Концепция предполагает поэтапное продвижение на основе равноправного взаимодействия всех заинтересованных сторон к разблокированию конфликтных ситуаций, разработке мер доверия и контроля и, в конечном счёте, к формированию в этом субрегионе целостного механизма коллективной безопасности и сотрудничества. Такая система станет прологом к построению общей посткризисной архитектуры Ближнего Востока.

Выстраивать архитектуру безопасности придётся в ситуации нарастающей конфликтности в отношениях между Россией и странами коллективного Запада, подчас в условиях неприкрытого и упорного противодействия США и их союзников. Несмотря на благородство помыслов, Россия вряд ли справится с этим начинанием в одиночку. Очевидный партнёр – КНР.

Строительство новой архитектуры безопасности гораздо сложнее борьбы «за всё хорошее и против всего плохого». Её создание потребует от России и Китая уступок, добровольного принятия на себя ограничений. Только готовность к самоограничению, подтверждённая мерами транспарентности и доверия, убедят наших соседей и партнёров в серьёзности намерений Москвы и Пекина. Такие самоограничения особенно важны для соседей Китая, которые с опаской смотрят на его растущие глобальные амбиции.

Не одно какое-то действие, но комплексные, системные шаги на опережение – вот единственная опора российской дипломатии. И ей стоит воспользоваться для того, чтобы «ноги не ослабли» и чтобы не пасть, как Портос, под непомерной тяжестью взваленной на себя ноши. Вообще говоря, создававшийся десятилетиями при деятельном, часто лидирующем участии СССР (России) международный режим ядерного нераспространения – для нас не бремя. Это способ решения. А цена ошибки при неграмотно проведённых оценках, неверно сделанных (или не сделанных) шагах будет слишком высока. Ведь все страны потенциальной «ядерной девятки», к которым присматриваемся (за исключением одной-единственной Бразилии), – по периметру наших границ.

Ценности и мобилизация: к динамике стерильного возбуждения

Александр Филиппов

Непредсказуемость, неуправляемость, «безответность» мира оказывается не только одной из причин кризисов, но и лекарством против них. Как бы сильно ни вредили себе и окружающим общности, основанные на ценностях, объективное устройство мира может стать препятствием для любого энтузиазма.

Подробнее

СНОСКИ

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Глобальная безопасность, стратегическая стабильность и контроль над вооружениями» (реализуется совместно с МГИМО МИД РФ в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»). Авторы признательны члену Экспертного совета ПИР-Центра А.В. Федорову, заведующей кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России Л.С. Окуневой, старшему эксперту РИСИ Ю.В. Крячкиной, научному сотруднику ИМИ МГИМО МИД России А.Р. Маргоеву за ценные комментарии и замечания. Особые слова благодарности за ценные советы – доценту Инженерной академии РУДН С.В. Понамарёву.

[2] ЮАР имела собственное ядерное оружие, не будучи участником ДНЯО, но добровольно отказалась от него. КНДР формально не завершила все процедуры выхода из ДНЯО, хотя сомнений в наличии у неё ядерного оружия нет.

[3] А.М. Васильев, А.С. Зубенко, М.П. Лац, С.Д. Никулин, И.В. Родина, Л.С. Савельева, Д.С. Хейрие, Л.В. Цуканов, С.С. Шестакова, А.-Л. Эстевес.

[4] Hagel Ch., Rifkind M., Rudd K., Daalder I. When Allies Go Nuclear: How to Prevent the Next Proliferation Threat // Foreign Affairs. 12.04.2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2021-02-12/when-allies-go-nuclear> (дата обращения: 6.12.2022).

[5] См. например: Daalder I.H., Hagel Ch., Rifkind M., Rudd K. Preventing Nuclear Proliferation and Reassuring America's Allies // Chicago Council on Global Affairs. 10.04.2021. URL: http://www.thechicagocouncil.org/sites/default/files/2021-02/report_preventing-nuclear-proliferation-reassuring-americas-allies.pdf (дата обращения: 6.12.2022).

[6] В 2019 г. на заседании Международного экспертного совета Центра исследования проблем нераспространения им. Джеймса Мартина Роберт Айнхорн представил аналогичный список. Разумеется, по нашим оценкам, список государств, обладающих необходимым научно-техническим потенциалом, шире «девятки». В числе следующих в очереди можно назвать ФРГ, Нидерланды, Австралию, Алжир и Аргентину.

[7] Методология и фактический материал, обосновывающий данные выводы по каждой из стран и территорий, содержатся в готовящемся к публикации докладе ПИР-

Центра «Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире» (М.: ПИР-Пресс, 2023). Краткая версия доклада будет размещена на глобальной научно-образовательной платформе ПИР-Центра www.nonproliferation.world. Все выводы подтверждены математическими расчётами авторов.

**#дняо #ядерная держава #ядерное нераспространение
#ядерное оружие**